

Названия Днепровских порогов, приведенные Константином Багрянородным¹, пользуются исключительной популярностью в литературе, посвящен-

М. Ю. Брайчевский

**«РУССКИЕ» НАЗВАНИЯ ПОРОГОВ
У КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО**

ной Киевской Руси. Пожалуй, ни одно другое сообщение иностранных источников в области начальной истории древнерусского государства не породило

ло столько споров, как отрывок, содержащий описание порогов. Объясняется это тем, что свидетельство Порфирогенета (писатель середины X в.) послужило краеугольным камнем в обосновании норманнской концепции происхождения Руси и в особенности названия «Русь». По сути, это единственный аргумент норманизма, до сих пор не преодоленный и не развенчанный критикой.

Между тем требование системности в исследовании исторических источников не терпит многозначности интерпретаций. Если концепция норманизма признается несостоятельной, то *вся* аргументация, на которой она базируется, должна быть пересмотрена, опровергнута или же освещена на историколингвистическом уровне, а имеющиеся конкретные факты — получить надлежащее (и убедительное!) истолкование. Поэтому решительно не могут быть приняты в качестве аргумента маловразумительные соображения по поводу того, являются ли «славянские» имена переводом «русских» и который из топонимических рядов является древнейшим².

«Русские» названия порогов занимают и ныне центральное место среди филологических доказательств, которыми оперирует норманизм — в целом, крайне неубедительных (название местности «Рослаген», этноним «руотси», которым финские народы называют шведов; древнерусская антропонимика, среди которой действительно немало скандинавских имен, в частности знаменитые реестры киевских послов в договоре 944 г.³, или искусственно притянутое название острова Рюген).

В науке уже давно признано, что лингвистическая аргументация норманизма стоит немногого. Термин «Рослаген», как выяснилось, не имеет ни географического, ни, тем более, этнографического содержания и означает артель гребцов⁴. Финское слово «руотси», которое было одной из козырных карт в норманнской литературе, означает «северный» и, следовательно, в качестве этнонима представляет собою перевод термина «норманны» («северные люди») ⁵, что к древней Руси никакого отношения не имеет. Бытование скандинавских имен у восточных славян

может свидетельствовать только о наличии более или менее тесных связей наших предков с норманнами, но отнюдь не решает вопрос о происхождении как самой Руси, так и ее имени. И только «русские» названия порогов у Порфирогенета еще не имеют скольнибудь убедительного антинорманистского истолкования.

Как известно, Константин Багрянородный приводит два ряда имен для обозначения днепровских порогов — «славянские» и «русские». Первые действительно легко объясняются из славянских корней и в смысле языковой природы никогда не вызывали сомнений. Напротив, «русская» терминология не является славянской и в подавляющем большинстве не поддается интерпретации на основе славянского языкового материала.

Норманистам данное сообщение импонировало уже тем, что Порфирогенет не только четко разграничил славян и Русь, но и противопоставил их друг другу. Поскольку никакой иной Руси, кроме славянской или скандинавской, на заре отечественной историографии не признавалось, то дилемность проблемы неизбежно требовала ее решения в пользу одной из противоборствующих альтернатив. Так как славянский вариант исключался условиями задачи, то не оставалось ничего другого, как признать «русские» имена шведскими. На этом базировалась (и базируется ныне) вся историография — в том числе и антинорманистская, адепты которой вынуждены признать скандинавский характер приведенных Константином имен⁶.

Однако результаты собственно филологического анализа оказались далеко не столь блестящими, как можно было бы ожидать. Поиски этимологий предпринимались еще во времена Г. З. Байера и Г. Ф. Миллера, но, естественно, эти ранние попытки имели слишком наивный характер. Гораздо более серьезными были исследования конца XIX в., базировавшиеся на солидной основе сравнительного языкознания. Из их числа особенно выделяется исследование В. Томсена⁷, чьи этимологии и ныне признаются наиболее убедительными. Более поздние по-

пытки (Х. Пиппинга и др.)⁸ не приняты наукой и отвергнуты как надуманные и фантастические. Выводы В. Томсена в основном принимаются и в советской литературе.

Неудовлетворительность призванной схемы определяется ее незавершенностью. Часть приведенных Константином Багрянородным названий действительно хорошо объясняется происхождением от скандинавских корней, хотя и с некоторыми (вполне допустимыми) поправками. Другие — истолковываются при помощи серьезных натяжек. Третьи вообще необъяснимы и не находят удовлетворительных этимологий. Дело усложняется тем, что Порфирогенет не только сообщает «русские» и «славянские» названия, но и их значения — то ли в виде греческих переводов, то ли в описательной форме. Сравнение со славянской номенклатурой убеждает в правильности зафиксированной источником семантики: подлинное значение «славянских» имен соответствует предлагаемым смысловым эквивалентам. Из этого следует заключить, что и семантика «русской» терминологии требует самого серьезного внимания и что произвольные толкования и сопоставления не могут приниматься всерьез. Это одновременно и упрощает и усложняет дело.

Упрощает, потому что дает в руки исследователя надежный критерий для проверки принимаемых этимологий. Усложняет, потому что резко сокращает диапазон сравнительного материала, исключая возможность случайных совпадений и субъективных сопоставлений. Это, в свою очередь, резко повышает степень достоверности результатов лингвистического анализа, основанного на фонетических закономерностях как положительного, так и отрицательного свойства. И в этом смысле норманнская версия оказывается далекой от совершенства, требуя серьезного пересмотра и переоценки.

Решающее значение имеет все более и более утверждающаяся в науке теория южного (кавказско-черноморского или черноморско-азовского) происхождения Руси⁹. В том, что норманны никогда «Русью» не назывались, ныне вряд ли могут возникнуть сомнения.

Следовательно, «русский» реально не может означать «скандинавский». И если согласиться с общепринятой (то есть норманнской) интерпретацией «русских» имен у Порфирогенета, придется признать, что историк, попросту говоря, напутал и назвал «русским» то, что к подлинной Руси никакого отношения не имело. Собственно, на этом и базируется современная антинорманистская платформа, принимаемая советской историографией¹⁰. Теоретически исключить такую возможность нельзя, ибо Константин Багрянородный, как и любой человек, мог ошибаться. Особенно в тех вопросах, о которых он имел весьма приблизительное представление и зависел от своих информаторов, тоже не всегда хорошо информированных. Но прежде чем прийти к такому выводу, следует проверить другие варианты.

Историки XVIII в., стоявшие на антинорманистских позициях, настоятельно подчеркивали значение северопричерноморской этнонимии сарматского времени для постановки и решения проблемы происхождения летописной Руси. Речь идет о таких названиях, как роксоланы, аорсы, росомоны и т. д.¹¹ Сарматская (то есть иранская) принадлежность по крайней мере первых двух названий ныне не вызывает сомнений. В источниках они зафиксированы уже в начале нашей эры¹². Этническая природа росомонов остается спорной; контекст, в котором они упомянуты (единственный раз) у Иордана¹³, позволяет полагать, что имеются в виду восточные славяне. Но источник датируется VI в. н. э., то есть эпохой, когда процесс формирования славянской (Приднепровской) Руси (или «Руси в узком значении слова»¹⁴) уже проявил себя в достаточной степени и мог появиться в иностранных источниках.

К VI в., однако, относится и сообщение псевдо-Захарии о таинственном народе «Рос» (‘Ρως, Ηρος)¹⁵, в котором историки справедливо видят первое упоминание этнонима «Русь» — «Рос» в его чистом виде. Но речь, конечно, идет не о славянах, а о населении Приазовья, принадлежавшем, скорее всего, к сармато-аланскому этническому массиву. Сближение восточнославянской Руси

VI—VII вв. с сарматской Русью более раннего времени представляется исключительно важным моментом в нашей постановке вопроса, вскрывая подлинные корни ставшего общепризнанным названия великого народа и великой державы.

Очевидно, нет необходимости специально доказывать, что название «Русь» не является исконно славянским термином и заимствовано у одного из этнических компонентов, принимавших участие в процессе восточнославянского этногенеза, подобно тому, как название французского народа было дано германцами-франками, а болгарского — тюрками-болгарами. Но источником заимствования были, конечно, не норманны в IX—X вв., а племена Подонья, Приазовья, Северного Кавказа по крайней мере на три столетия раньше — в VI—VII вв.

Обсуждать данную проблему в полном объеме в предлагаемой статье нецелесообразно, поскольку ее разработка еще далека от завершения. Заметим, однако, что материалы, собранные С. П. Толстовым и другими исследователями¹⁶, — разнообразные по характеру и происхождению — заставляют думать, что данная проблема окажется более сложной и многосторонней, чем представлялось некоторым авторам. Так, вряд ли заслуживает поддержки гипотеза Д. Т. Березовца, относящего все сведения о Руси, содержащиеся в произведениях восточных (мусульманских) писателей IX—X вв., к носителям салтовской культуры¹⁷.

Из всего богатого спектра вопросов, непосредственно относящихся к рассматриваемой проблеме, считаем необходимым рассмотреть в первую очередь более подробно лишь один, имеющий для нас особое значение, — гипотезу о готском происхождении Руси.

Эта гипотеза была высказана в конце прошлого века А. С. Будиловичем¹⁸ и активно поддержана В. Г. Васильевским¹⁹, к сожалению, не развившим ее в специальном исследовании²⁰. С решительной критикой выдвинутой гипотезы выступил Ф. Браун²¹, аргументация которого, однако, представляется крайне неубедительной²².

Гипотеза Будиловича-Васильевского

базировалась на термине «росоготы» («рейдсготы») — «Reithgothi», первая основа которого сопоставлялась с именем «Рос» — «Рус». С точки зрения общей фонетики такое сопоставление вполне закономерно; во всяком случае, оно не уступает «рокс-аланам» («рос-аланам») или «рос-о-монам». Филологические соображения Ф. Брауна основаны на недоразумении: считая готов германцами и выходцами из Скандинавии, он базировался исключительно на германском языковом материале. Между тем такая исходная позиция в настоящее время представляется более чем спорной.

Мы не будем рассматривать сложнейшую проблему готов и их миграции на юг, заметим лишь, что тезис о скандинавской прародине готских племен встречается в последнее время весьма серьезные возражения²³. Но независимо от того, имела ли данная миграция место или нет, нельзя рассматривать причерноморских готов в качестве чистых германцев. Если переселение и было, то масштабы его исключают мысль о преобладании германского этнического элемента в Северном Причерноморье в III—IV вв. Недаром для позднеантичных авторов готы были аборигенами причерноморских степей, а их этноним в источниках выступает синонимом названия «скифы». Очевидно, правильным является существующее в советской литературе мнение, согласно которому готский массив племен представлял собой сложный конгломерат племен, в котором главенствующее положение занимали местные племена, а переселенцы с севера (если они реально существовали) неизбежно должны были в них раствориться уже во втором-третьем поколении.

Этническую основу данного объединения, как сказано, составляло население северопричерноморских степей, известное в греческих источниках как скифы. Речь идет о собственно скифах, а не о других племенных группах, называемых так из-за географической условности. В научной литературе традиционно принято считать скифов иранцами²⁴, что, однако, не подтвердилось²⁵. Очевидно, мы имеем дело с особым индоевропейским народом, в языковом

отношении имевшим много общего с иранцами, а также с фракийцами, славянами, балтами и даже с индо-ариями, но не тождественным ни с одной из названных семей.

Отнесение скифов к числу иранских народов основывалось на применении ошибочной методики: приняв априори иранскую гипотезу, исследователи искали сравнительный материал для интерпретации скифских глосс и ономастических имен лишь в языках иранской группы. При этом такие ученые как В. И. Абаев²⁶ и А. А. Белецкий²⁷ вынуждены были признать, что иранизм подлинно скифской лексики оказывается весьма проблематичным. Иное дело сарматы: их принадлежность к иранской языковой семье вне сомнений.

Этнонимика с основой «рос» является сарматской, то есть иранской. Можно предположить со значительной долей правдоподобия, что загадочные «росоготы» представляют собой иранский компонент готского объединения, противостоящий собственно готам (скифам). Заметим, что в источниках имеется параллельная форма «готаланы», «аланоготы», «вала(но)готы» и т. д., по видимому, выступающая в качестве закономерного варианта: аланы также принадлежат к иранской группе племен и этнонимически сопряжены с иранской Русью («роксаланы»)²⁸.

Сказанное определяет принципиально иной подход и к постановке нашей темы, посвященной «русским» названиям Днепровских порогов у Константина Багрянородного. Их объяснение следует искать не в скандинавской, а в иранской филологии²⁹. Действительно, обращение к иранским корням дает результаты, гораздо более убедительные, чем традиционные шведские этимологии. В качестве исходного материала принимаем осетинский язык, признаваемый за реликт сарматских языков (осетины считаются потомками алабов, а аланы составляли одну из наиболее значительных и многочисленных сарматских племенных групп).

Рассмотрим текст Константина Багрянородного, который цитируем в переводе Г. Г. Литаврина. Поскольку транскрипция «русских» и «славянских» племен переводчик дает в рекон-

струированном (то есть субъективно осмысленном) виде (например, вместо традиционного «Напрези» у него стоит «Настрези»), мы сохраняем греческую номенклатуру.

«Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Εσσοῦλῆ, что означает по-русски и по-славянски «Не спи». Теснина его столь же узка, сколь пространство циканистирия, а посредине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. В виду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моносилах, затем нагие, ощупывая [дно] своими ногами, [волокут их], чтобы не натолкнуться на какой-нибудь камень. Так они делают, одни у носа, другие посредине, а третьи — у кормы, толкая [ее] шестью, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог, по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-русски Οὐλφοροί, а по-славянски Οστρωβοῦνιραχ, что значит в переводе «Остров порога». Он подобен первому, тяжек и трудно проходим. И вновь, высадив людей, они проводят моносилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Γελαῦδορι, что по-славянски означает «Шум порога», а затем так же — четвертый порог, огромный, называемый по-русски Ἀειφόρ, по-славянски же Νεασηῆτ, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они несусьно несут стражу из-за печенегов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внеся груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, назы-

ваемому по-русски Βαρουφόρος, а по-славянски Водуилрѣх, ибо он образует большую заводь, и переправы опять по излучинам реки свои моноксилы, как в первом и во втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-русски Λεάντι, а по-славянски Βεροῦτζη, что означает «Кипение воды», и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-русски Στροβίον, а по-славянски Малый порог. Затем достигают так называемой переправы Крпория, через которую переправляются херсонеситы, идя из России, и пачинакиты на пути к Херсону»³⁰.

Последовательность в перечислении порогов обычно не привлекает внимания исследователей, хотя имеет немаловажное значение для отождествления приводимых в источниках названий с современной номенклатурой. Это тем более важно, что почти во всех случаях обнаруживается бесспорное соответствие.

Как известно, порожистая часть Днепра включала девять порогов, которые именовались (сверху вниз): Кодацкий, Сурской, Лоханский, Звонецкий, Ненасытец, Вовнигский, Будило, Липный, Вольный. Из этих порогов Константин называет семь; два пропущены. Кроме того, было шесть забор: Волосская, Яцева, Стрильча, Тягинская, Воронова, Кривая. Их Порфирогенет не знает вообще.

Предполагается само собой разумеющимся, что комментируемое описание сохраняет тот порядок, в котором древнерусским купцам приходилось преодолевать препятствия. Собственно это становится ясным из самого текста: «Прежде всего они приходят к первому порогу, называемому «Эссупи»...» Однако реальное сличение древних имен с позднейшими опровергает это убеждение. Так, первому порогу Эссупи («Не спи»), безусловно, соответствует Будило, занимающий седьмую позицию. Это заставляет задуматься, не перечисляет ли Порфирогенет, писавший в Константинополе на основании информации своих соотечественников, пороги в обратном порядке, то есть в том, в ка-

ком их преодолевали едущие в Киев из Bizантии. Такое предположение вполне возможно, но опровергается дальнейшим изложением. Тогда третьим порогом должен был бы быть Ненасытец, но в тексте стоит Звонецкий, расположенный выше Ненасытца. Вольный порог является самым нижним, тогда как у Константина он значится пятым.

Таким образом, топографическая структура Надпорожья в источнике оказалась перепутанной, и это определенным образом ориентирует критическую мысль, предостерегая от слепого доверия к комментируемому тексту.

Переходим к лингвистическому анализу названий, приведенных в источнике и представляющих объект настоящего исследования. Прежде всего необходимо подчеркнуть осторожность в ретранскрипции, поскольку графические изображения «варварских» имен у Порфирогенета, как правило, искажены иногда до неузнаваемости. В качестве примера достаточно привести транскрипции древнерусских собственных имен (городов и «племен»). «Русские» названия порогов, однако, транскрипированы Константином Багрянородным довольно точно — так, что этимология, контролируемая строго фиксированной семантикой, во всех семи случаях устанавливается легко и без всяких поправок*.

Первый порог называется Эссупи. По утверждению Константина, это и «русское» и «славянское» название. Греческая транскрипция Εσσοιτῆ, означающая «не спи». В современной номенклатуре ему соответствует название «Будило».

Действительно, корень, присутствующий в данном термине, имеет общеевропейский характер. Ср.: санскрит. svapiti — «спать»; зенд. хварна — «сон», хварар — «спать»; греч. ύπνος — «сон»; латин. Somnus — «сон»; лит. sãpnas — «сон»; латыш. sapnis — «сновидение»; нем. schlafen — «спать»; англ. to sleep — в том же значении; общеслав.—

* Приводимая осетинская терминология дается в транскрипции, принятой в современной научной литературе, в частности, у В. И. Абаева (Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958—1979, т. 1—3).

«сон», «спать»; осет. хоуssyn — в том же значении и т. д.³¹

Старославянский глагол «съпати» подтверждает свидетельство анализируемого источника. По В. Томсену, «русская» форма реконструируется как «ne sofi», вариант «ves upri» («Будь на страже»); по А. Х. Лербергу — «ne suefe». Это возможно, хотя в таком случае в авторский текст приходится вносить поправку f → p, впрочем, вполне закономерную лингвистически. Значительно хуже с начальной частицей, имеющей отрицательное значение. В источнике она звучит как «э», тогда как признанная реконструкция предполагает «не». Это заставило адептов норманнской версии вносить в текст иньектуру — «п—», не объяснимую никакими фонетическими соображениями. В таком случае не остается ничего иного, как полагать, что Константин Багрянородный (либо его переписчики) опустил данную литеру по чистой случайности. Так или иначе, но поправки к оригинальному тексту оказываются неизбежными.

При обращении к северочерноморской версии любое недоумение отпадает. Скифский термин «spu» (в значении «глаз», «спать») зафиксирован еще Геродотом в V в. до н. э. в двусловной глоссе «Αριμασπός»³². Впрочем, общеевропейский характер данного термина снижает доказательное значение сопоставления. Гораздо большую роль играет начальное «э». В осетинском языке «æ» — «негативная частица, образующая первую часть многих сложных слов со значением отсутствия чего-либо»³³. Таким образом, скифо-сарматская этимология оказывается вполне безупречной и более предпочтительной, чем скандинавская; она не требует никаких поправок.

Второй порог, согласно Константину Багрянородному, по-русски называется *Улворси* (Ούλβωρσι), что означает «Остров порога» (или же «Порог-остров», что, в общем, одно и то же). В славянской номенклатуре ему соответствует «Островунипраг» («Островной порог»), что снимает какие-либо сомнения по части семантики. Это, по-видимому, Вовнигский порог.

В норманнской версии «русское» название интерпретируется как Halmfors,

где Holmr — «остров», а fors — «водопад». Это — одна из наиболее удачных скандинавских этимологий, хотя и она требует поправок к анализируемой форме.

В осетинском ulæn (в архетипе *ul) означает «волна». Это первая основа. Вторая — общеиранская (и аллородийская) *vāga — «окружение», «ограничение», «ограждение». Ср.: осет. buгу/bu-гу; персид. bāgu, bāra — в том же значении; в чечено-ингуш. buгу — «крепость» («огражденное место»); балкар. buгу, лезгин. baгу, арчин. baгу — в значении «ограждение», «окружение»; особенно груз. beгу — «граница», «межа», «огражденное место» и т. д. Таким образом, приведенное Константином Багрянородным имя означает «место, окруженное волнами», то есть «порог-остров».

Третий порог называется *Геландри* (Γελανδρι), название которого Порфиригенет считает «славянским»; «русское» название отсутствует. Но поскольку данное слово на первый взгляд не вызывает ассоциаций со славянской языковой стихией, его традиционно считают «руским», тем более что оно имеет безупречную скандинавскую этимологию. Семантика названия, по утверждению источника, означает «Шум порога». Это, конечно, Звонецкий порог, расположенный выше Вовнигского и ниже Ненасытца.

Обращаясь к лингвистическому анализу названия, прежде всего необходимо подчеркнуть, что господствующий в литературе скепсис относительно славянской версии не имеет под собой почвы. Основа, безусловно, имеет общеевропейский характер: *ghel, *ghol — «звучать», *gal — «издавать звук», «подавать голос». В славянских языках этот термин дал «глаголь» — «звук», «звон», «язык» (от «гольголь» — методом удвоения основы). К этому же гнезду относится «глась», «голось», а также «гуль», «галда» — «шум», «галдеть» — «шуметь», «гулкий» — «шумный» и т. д. Следовательно, основа не должна нас смущать; речь может идти лишь о форманте, что в данном случае (с учетом характера источника) имеет минимальное значение.

Скандинавская версия предполагает Gellandi — «шумящий» или Gellandri («г—» — лексика имен мужского рода). Это действительно отличная этимология, точно отвечающая семантике, засвидетельствованной Порфиригенетом. Правда, такая безупречность (единственная в нашем случае) резко снижается «славянской» принадлежностью комментируемого термина, что заставляет предполагать здесь (как и в случае с Эссуи) «гибридную» форму с использованием разноязычных элементов. Впрочем, ситуация оказывается гораздо проще, чем кажется на первый взгляд.

В осет. *qælæi/gælæs* — «голос»; *qæg/gæg* — «шум», «крик»; *qærgænag* — «шумный»; *zæl* — «звук», «звон»; *zælang kænnun* — «звенеть»; *zælyn* — «звучать»; и т. д. С этим приходится сравнивать и *kælyn/*gælyn* — «литься», что определенным образом связывает данное гнездо с движением воды.

Вторая основа — осет. *dwar* — «двери» (ср. балк. *dog* — «камень») — явно переключается с понятием «порог». Таким образом, кавказская этимология не уступает норманнской.

Четвертый порог, по Константину Багрянородному, называется по-русски *Айфор* (Ἄειφόρ), а по-славянски — Неясыть (Неясытъ). Это — Ненасытец — наиболее грозный из Днепровских порогов, имевший девять лав, и наиболее труднопроходимый. Значение обоих терминов дано описательно: «потому, что здесь гнездятся пеликаны». Данная семантическая справка породила в литературе немало недоумений. Как известно, пеликаны в области Днепровского Надпорожья не водятся и не гнездятся. Древнерусское слово «неясыть» (этимологически оно действительно происходит от термина «ясти» — «есть», «кормиться» и значит «ненасытный») обозначает не пеликана, а одну из разновидностей сов. Таким образом, здесь имеет место вполне очевидное недоразумение. Естественно, учитывая характер источника, его очень просто было бы отнести за счет недостаточной информированности Порфиригенета, но стремление к корректности выводов требует более осторожного подхода. Прежде чем говорить о неосведомленности автора, необходимо выяснить возможность

скрытого (точнее, не понятого исследователями) смысла.

Главная ошибка комментаторов, на наш взгляд, заключалась в неправильной акцентировке сообщения. Традиционно подчеркивается орнитологическая определенность (упомянутый вид птиц). Экзотичность такой справки неотразимо действовала на воображение исследователей, приковывая внимание к пеликанам. Между тем Константин Багрянородный, скорее всего, хотел подчеркнуть наличие гнездовой безотносительно к видам пернатых — как характерную особенность порога, наиболее защищенного природными условиями. Повидимому, Ненасытец действительно привлекал птиц в силу своей неприступности.

Убедительной (более того, сколь угодно приемлемой) скандинавской этимологии слово «Айфор» не имеет. Всказанные в литературе гипотезы (от *Eiforg* — «вечно бегущий» или от голланд. *буеваг* — «аист») неприемлемы по причине несоответствия засвидетельствованной источником семантике.

Осет. *Ajk (*Aj)* — «яйцо» (имеющее, впрочем, общеиндоевропейский характер) — довольно точно фиксирует наличие гнездовой, что подчеркивается и Порфиригенетом. Вторая основа — осет. *fars (*fors* — «бок», «ребро», «порог»), то есть вместе: «порог гнездовой»). Впрочем, возможен другой вариант для второй основы — от осет. *fagin* (в архетипе — общеиран. **pagna*) — «крыло».

Пятый порог имеет «русское» название *Варуфорос* (Βαρουφόρος) и «славянское» — Вулнипраг («Вольный порог»). Семантика дана в описательной форме: «...ибо образует большое озеро». Это — Вольный порог, согласно современной терминологии действительно имевший значительную по площади заводь.

Данное слово является гордостью норманизма, впрочем, весьма иллюзорной. Первую основу слова принято толковать от *Vagu* — «волна», вторую — от *fors* — «водопад». С фонетической стороны это звучит неплохо, но семантика решительно не согласуется с данной этимологией. Во-первых, интерпретированный таким образом термин имеет тавтологический характер, ибо «волна» и «водопад» в подобном употреблении,

по сути, означали бы одно и то же. Вот-вторых, он не соответствует значению, зафиксированному Константином Багрянородным, а в некотором смысле даже противоречит ему, подчеркивая бурный характер порога, тогда как в источнике, напротив, речь идет об относительном спокойствии, так как озеро предполагает широкий плес, отличающийся сравнительно медленным течением.

В этом смысле скифо-сарматская этимология оказывается более точной. Общеиран. *vāgu* означает «широкий»; осет. *fars* **fors* — «порог». Интерпретация вполне безупречная, точно отвечающая справке Порфиrogenета.

Шестой порог «по-русски» именуется *Леанги* (Λεάνγι), а по-славянски — Вруци (ср. совр. укр. «вирующий»), что, согласно утверждению Константина Багрянородного, означает «Кипение воды». «Славянское» название вполне понятно и точно соответствует фиксированной семантике. Это, по-видимому, Сурской, или Лоханский, порог.

Сколько-нибудь приемлемой скандинавской этимологии слово *Леанги* не находит. Высказанная в литературе гипотеза, что оно происходит от *Нлаеjan-di* — «смеющийся», — выглядит неубедительно, так как не соответствует данным источника. Напротив, скифско-сарматская версия представляется вполне правомочной. Осет. *lejun* — «бежать» хорошо соответствует значению, указанному в источнике. Отметим, что этимологически данный термин непосредственно связан с движением воды (общеевропей. **lej* — «литься», «лить»). Данный термин хорошо представлен в славянских и балтских языках.

Приведенная Константином Багрянородным форма также приемлема. Она представляет собой причастие с закономерным переходом *u* → *a* перед звуко-сочетанием *nt/nd* (в соответствии со схемой: дигор. (западноосет.), *u* = ирон. (восточноосет.), *j* = иран. *a*). Таким образом, исходная форма **Lejanti*/**Lejandi* очень точно воспроизведена в комментируемом греческом тексте.

Последний, седьмой порог имеет «русское» название *Струкун* (Стρoύκιoν) или *Струвун* (Стρoύβoν) и «славянское» *Напрези* (Ναπρεζή). Обе «рус-

ские» формы встречаются в рукописях и могут рассматриваться как равноценные в историколингвистическом отношении. Лингвистически предпочтительной признается первая. Значение имени, по Константину Багрянородному, — «Малый порог». Имеется в виду скорее всего *Кодак*, действительно считавшийся наиболее легко проходимым.

В настоящее время проблематичными считаются оба названия — и «русское» и «славянское». Напрези — единственное из «славянских» названий, вызвавшее в литературе споры и расхождение во мнениях. Часть исследователей толковало его как «Напорожье» — более чем сомнительный вариант, ибо содержание термина охватывает всю порожистую часть Днепра и, следовательно, может быть применено к любому порогу. Возможно, что слово этимологически восходит к древнерус. «напрящи», «напрягать». В ранний период данный термин применялся обычно лишь в значении «натягивать»³⁴. К тому же он не отвечает семантике, приведенной Порфиrogenетом, хотя «малый» (если понимать его в смысле «неширокий», «узкий») предполагает напряженное течение или падение воды. Известной популярностью в науке пользуется конъектура «На стрези»³⁵, ее в частности, принимает Г. Г. Литаврин, но и она не доказана.

Возможен еще один вариант, который представляется наиболее правдоподобным: не совсем точно воспроизведенное Константином выражение «не пръзь», то есть «не слишком (большой)».

«Русское» название *Струкун* (или *Струвун*) удовлетворительной скандинавской этимологии не имеет. Попытки вывести его из норв. просторечного *strok*, *stryk* — «сужение русла» или из швед. диалектного *struck* — «небольшой водопад, доступный для плавания», несмотря на кажущееся правдоподобие, сомнительны по причине исторической непригодности сравнительного материала. Зато скифо-сарматский вариант может считаться идеальным. Осет. *stur*, *ustur* означает «большой». Суффикс *gon/kon*, по словам В. С. Миллера, «ослабляет значение прилагательных»³⁶. Следовательно, **Usturkon*, **Sturkon* — «небольшой», «не слишком большой» →

очень точно соответствуют данным источника.

Таким образом, все семь имен получили безупречные осетинские этимологии, хорошо соответствующие тексту источника. Конечно, проявление слепой случайности здесь исключается. Предлагаемый вариант интерпретации во всех семи случаях превосходит норманнский уже тем, что не оставляет *ни одного* имени без надлежащего разъяснения. Следовательно, «Русь» Константина Багрянородного — это не норманнская и не славянская, а сарматская «Русь», сливающаяся с тем таинственным народом Рос, который древние авторы еще в последние века до нашей эры размещают в юго-восточном углу Восточно-Европейской равнины.

Можно согласиться с исследователями, относящими начало формирования славянской Руси к VI—VII вв. Начиная с этого времени в источниках фигурирует уже главным образом только славянская Русь, тогда как реальное существование сарматской Руси приходится на более раннее время. Именно эта сарматская Русь была в древности хозяином порожистой части Днепра; проникновение сюда славянских переселенцев (на первой стадии довольно слабое) фиксируется археологическими материалами только от рубежа нашей эры (эпоха зарубинецкой культуры)³⁷. Значительно интенсивнее поток переселенцев становится в период так называемых Готских или Скифских войн (III в. н. э.), но лишь после разгрома Готского объединения гуннами в 375—385 гг. и поражения самих гуннов на Каталаунских полях в 451 г. он приобретает действительно массовый характер. В это время ситуация меняется: реальными хозяевами в области Надпорожья становятся славяне³⁸, и как следствие, сарматскую Русь сменяет Русь славянская.

Из сказанного вытекают чрезвычайно важные соображения хронологического порядка. Очевидно, было бы ошибкой относить возникновение приведенной Константином Багрянородным «русской» номенклатуры Днепровских порогов к середине X в. Она, несомненно, намного старше и, скорее всего, восходит к последним векам до нашей эры,

когда сарматские полчища затопили южнорусские степи. Именно эта номенклатура была исходной и приобрела международное значение; славянская представляет собою переводы или кальки сарматских названий. Она сложилась не ранее III—IV вв. (а скорее — после разгрома гуннов), когда наши предки начали активную колонизацию Степного Причерноморья и освоение днепровского водного пути.

Нельзя не обратить внимание на то, что «русские» названия порогов транскрипированы Порфирирогенетом довольно точно. Славянские названия представлены в тексте значительно хуже. Здесь передача чуждых для греческого языка терминов имеет приблизительный (хотя и вполне узнаваемый) характер. Из этого следует, что «русская» терминология была известна в Константинополе лучше «славянской» и применялась более часто для практических целей. Традиция ее имела глубокие хронологические корни, что делало «русские» названия более привычными и знакомыми.

¹ Constantini Porphyrogeneti. De administrando imperio, 9.

² Юшков С. В. До питання про походження Русі. К., 1941, т. 1, с. 144—146; Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — СЗ, 1947, т. 6/7, с. 76—77; Греков Б. Д. Антинаучные измышления финского профессора. — Избр. тр. М., 1959, т. 2, с. 562; Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. — М.; Л., 1965.

³ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, т. 1, с. 34—35.

⁴ Lowmiański H. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. — Warszawa, 1957, с. 137—138.

⁵ Рыбаков Б. А. Предпосылки образования древнерусского государства. — В кн.: Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, с. 787.

⁶ Юшков С. В. Указ. соч., с. 144—146; Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 76—77; Маевский В. В. Очерки истории СССР: Древнерусское государство. — М., 1956, с. 92; Толкачев А. И. О названиях днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного («De adm. imp.»). — В кн.: Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962; Шаскольский И. П. Указ. соч., с. 46—50.

⁷ Thomsen W. The Relations between Ancient Russia and Scandinavien and the Origin of the Russian State. — Oxford, 1877; Thomsen W. Der Ursprung des Russischen States, Gotha. — Oxford, 1879; 1879; Томсен В. Начало русского государства. — М., 1891.

⁸ Ekblom R. Die Namen der siebenten Dneprstromschnelle, Språkvvetenskapliga sälls-

kapets i Uppsala förhandlingar 1949/1951.— Uppsala, 1952; *Falk K.* Dneprforsnamnen — en gäng.— Namn och Bygd, 1950; *Falk K.* Ännu mera om den Konstantinska församnen.— Namn och Bygd, 1951; *Falk K.* Dneprforsarnas namn i keisar Konstantin VII Porphyrogenetos "De adm. imp.".— Lunds universitets aarskrift, 1951; *Karlgren A.* Dneprforsernes nordisk-slaviske navne.— J. Festschrift udgivet av Köbenhavns univ. Aarfest, 1947, № 11; *Krause W.* Der Runenstein von Pilgård.— Nachr. Akad. Wiss. Gottingen, Philol.-Hist. Kl., 1952, N 3; *Krause W.* En vikingafärd genom Dneprforsarna.— Götländskt arkiv, 1953, N 24; *Pipping H.* De skandinaviska Dneprnamnen.— Studier i nordisk filologie, 1910; *Sahlgren J.* Mera om Dneprforsarnas svenska namn.— Namn och Bygd, 1950; Dneprforsarna Genmäle till genmälle.— Ibid., 1951; *Sahlgren J.* Dneprforsarnas svenska namn.— Ibid., 1950; Les noms suédöds de torrents du Dnepr chez Constantin Porphyrogenete.— Onomata (Athene), 1952, 1.

⁹ *Ламанский В. И.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании.— Учен. зап. 2-го отд-ния АН, 1859, кн. 5, с. 86; *Срезневский И. И.* Русское население степного и Южного Поморья в XI—XIV вв.— Изв. ОРЯС, 1860, т. 8, вып. 4; *Багалей Д.* История Северной земли до половины XIV в.— Киев, 1882, с. 16—25; *König E.* Zur Vorgeschichte des Namens Russen.— Zf. für Deutsche Morgenländische Gesellschaft, 1916, Bd, 70; *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени.— Пг., 1919, с. 34; *Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности.— Л., 1924, с. 51; *Артамонов М. И.* История хазар.— Л., 1962, с. 293.

¹⁰ «Византийцы явно путали Русь с варягами, приходившими из Руси и служившими в византийских войсках» (*Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 76—77). Ср. также: *Шаскольский И. П.* Указ. соч., с. 50.

¹¹ *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 281—282, 286—289; *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 6, с. 22, 25—30, 45—46, 198, 209—213.

¹² *Strab. Geogr.*, II, 5, 7; VII, 3, 17; XI, 2, 1; XI, 5, 8; *Plin. Nat. Hist.*, IV, 80; *Ptol. Geogr.*, III, 5, 7.

¹³ *Jord. Get.*, 129.

¹⁴ *Тихомиров М. Н.* Происхождение названий...; *Насонов А. Н.* «Русская» земля и образование территории древнерусского государства.— М., 1951; *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— СА, 1953, № 17.

¹⁵ *Дьяконов А. П.* Известие Псевдо-Захарии о древних славянах.— ВДИ, 1939, № 4; *Пигулевская Н. В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа.— ВДИ, 1939, № 1, с. 115; *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории СССР.— М.; Л., 1941, с. 9—12, 80—81; *Пигулевская Н. В.* Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия.— М., 1952.

¹⁶ *Толстов С. П.* Из предыстории Руси.— СЭ, 1947, т. 6; 7.

¹⁷ *Березовец Д. Т.* Про ім'я носіїв салтівської культури.— Археологія, 1970, т. 24.

¹⁸ *Будильович А. С.* К вопросу о происхождении слова Русь.— Тр. VIII АС, 1897, т. 4, с. 118—119; См. также отчет Е. Ф. Шмурло о работе съезда в ЖМНП (1890, май, с. 25—29).

¹⁹ *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского.— Труды. Спб., 1912, т. 2, вып. 2, с. 380; *Васильевский В. Г.* Введение в Житие св. Стефана Сурожского.— Там же, 1915, т. 3, с. CCLXXVII—CCLXXXV.

²⁰ «Мы не хотим здесь проповедать новой теории происхождения Русского государства или, лучше сказать, русского имени, которую пришлось бы назвать готскою (намеки на нее давно уже встречаются), но не можем обойтись без замечания, что при современном положении вопроса она была бы во многих отношениях пригоднее нормано-скандинавской» (*Васильевский В. Г.* Введение в Житие св. Стефана Сурожского, с. CCLXXII).

²¹ *Браун Ф.* Разыскания в области готско-славянских отношений.— Спб., 1899, с. 2—18.

²² «Готской школы, по крайней мере в смысле объяснения начала Русского государства, никогда не будет и быть не может. А не может ее быть по той причине, что теории норманистов давным давно уже перестала быть простой более или менее смелой гипотезой и стала теорией, неоспоримо доказанной фактами лингвистическими» (*Браун Ф.* Указ. соч., с. 2). Итак, вся аргументация держится на признании неизбежности норманнской теории. Вполне очевидный крах последней решительно отменяет все Брауново построение.

²³ *Kmieciński J.* Zagadnienie kultury gotko — gepidzkiej.— Łódź, 1962; *Hachmann H.* Die Goten und Scandinawien.— Berlin, 1970.

²⁴ *Müllenhof K.* Ueber die Herkunft und Sprache der Pontischen Scythen und Sarmaten.— Monatsschr. preuss. Akad. Wiss., 1866, 8; *Миллер В.* Эпиграфические следы иранства на юге России.— ЖМНП, 1886, окт.; *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды.— Изв. ОРЯС, 1921, № 26; 1922, № 27; *Соболевский А. И.* Славяно-скифские этюды.— Изв. ОРЯС, 1928, № 1, кн. 2; 1929, № 2, кн. 1; *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России.— Пг., 1918; *Vasmer M.* Iranier in Südrussland.— Leipzig, 1923; *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nordlichen Schwarzmeerküste.— Praha, 1955.

²⁵ *Петров В. П.* До методики дослідження власних імен в епіграфічних пам'ятках Північного Причорномор'я.— В кн.: Питання топоніміки та ономастики. К., 1962; *Петров В. П.* Скифи: Мова і етнос.— К., 1968.

²⁶ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор.— М.; Л., 1949, с. 147—148, 244.

²⁷ *Білецький А. О.* Проблема мови скіфів.— Мовознавство, 1953, № 11, с. 72.

²⁸ *Васильевский В. Г.* Введение в Житие св. Стефана Сурожского, с. CCLXXXII.

²⁹ Мысль о том, что «русские» названия порогов у Порфириенета суть сарматские, высказывалась еще авторами XVIII в.

³⁰ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей/Пер. Г. Г. Литаврина.— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 272.

³¹ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914, т. 2, с. 355—356.

³² Herod., Hist., IV, 27.

³³ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка.— М.; Л., 1958, т. 1, с. 99.

³⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., 1895, т. 2, с. 314.

³⁵ Константин Багрянородный. Об управлении..., с. 272.

³⁶ Миллер В. С. Язык осетин.— М.; Л., 1952, с. 155.

³⁷ Петров В. П. Раскопки на Гавриловском и Знаменском городищах в Нижнем Поднепровье.— КСИА АН УССР, 1954, № 4; Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре.— МИА, 1958, № 64, с. 136—141, 208—215.

³⁸ Брайчевская А. Т. Черняховские памятники Надпорожья.— МИА, 1960, № 82; Смиленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.).— К., 1975, с. 16—57; Брайчевський М. Ю. Біля джерел слов'янської державності.— К., 1964, с. 23—26; Брайчевський М. Ю. Походження Русі.— К., 1968, с. 43—44.